

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81.37:398.831

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ

Бондаренко В. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
E-mail: yotchic@yandex.ru

В статье анализируется тематическая группа лексики, связанная с обозначением высших сил, религиозными представлениями и всем комплексом обрядовых предметов и действий в русских традиционных колыбельных. Для анализа привлекаются опубликованные в наиболее авторитетных сборниках тексты и коллекция записей Фольклорного Архива филологического факультета МГУ. Выделены следующие подгруппы: теонимы (включая агноантропонимы); типичные действия высших сил и взаимодействие с ними человека; определения (атрибутивные и образованные от теонимов и глаголов); места пребывания высших сил; фразеологизмы; лексика, связанная с участием человека в религиозной жизни. Подробное рассмотрение лексики данной тематической группы позволяет реконструировать важный участок традиционной русской языковой картины мира и сделать вывод о трансляции через колыбельные не просто понятия наличия мира невидимого, а именно христианского мировоззрения.

Ключевые слова: теонимы, религиозная лексика, материнский фольклор, колыбельные песни.

ВВЕДЕНИЕ

Колыбельные песни относятся к той части детского фольклора, которая названа В. С. Виноградовым «поэзией пестования» или материнским фольклором. Это произведения, предназначенные для исполнения старшими членами семьи младенцам. Исследованию поэтики, жанровой специфики, функциям, характеристике образов, педагогическому потенциалу колыбельных, сравнительному анализу колыбельных разных народов посвящены работы многих известных ученых: фольклористов, этнографов, педагогов (А. Ветухов, О. И. Капица, Н. М. Элиаш, А. Н. Мартынова, М. Н. Мельников, В. П. Аникин, В. В. Головин, И. С. Карабулатова, А. Б. Теплова и др.). Однако лексике колыбельных не уделялось

должного внимания, поскольку констатировалась их «лексическая обедненность» [12, с. 19], хотя исследователи и отмечали, что эта «образная и лексическая скудость» – «кажущаяся», что «через колыбельную песню ребенок усваивает первичный словарный запас, без которого невозможно познание окружающего мира, развитие мышления» [2, с. 8;], что «магический потенциал колыбельной усиливается не только поэтической организацией, но и структурированностью самого жанра, его устойчивой формульностью, ... системой образов, лексическими ограничениями» [3, с. 33].

Известно, что мировоззрение человека формируется первыми усвоенными им текстами, и особенно важны в этом смысле фольклорные. Первые фольклорные тексты, с которыми знакомится ребенок – это поэзия пестования. Поэтому в ней должны содержаться лексические группы, представляющие основные константы традиционной культуры, основы «системы традиционных представлений о мире, как бы “свернутой” в формулах и мотивах данной песни» [3, с. 200].

В колыбельных присутствует и утверждается наличие мира невидимого, духовного, мифологического и связь его с миром видимым, социальным [3; 17]. Тематическая группа лексики (далее ТГ), связанная с обозначением высших сил, религиозными представлениями и всем комплексом обрядовых предметов и действий, а также взаимоотношений человека с высшими силами в колыбельных довольно значительна. Анализ лексики данной ТГ дает возможность реконструировать важный участок традиционной русской языковой картины мира. Исследователи в последнее время часто обращались к анализу религиозной лексики, религиозных концептов, теонимов, но материнский фольклор не рассматривался с этой точки зрения (И. С. Климас, Е. С. Лифанова М. А. Соломонов, А. Т. Хроленко, П. А. Якимов и др). Поэтому данная работа представляется актуальной и обладает новизной.

Исследуя ТГ ограниченной лексики колыбельных песен, можно получить представление о том, что именно входит в зачаток, ядро концептосферы, а также получить более полное представление о русской традиционной языковой (в данном случае – религиозной) картине мира.

С этой целью в работе сравнивается значение теонимов в колыбельных и в христианском вероучении, для чего привлекаются Богословский энциклопедический словарь, Полный церковно-славянский словарь Г. Дьяченко, богослужебные и молитвенные тексты, Символ веры, толковые словари русского языка.

Исследование базируется на методологической базе лингвофольклористики, теолингвистики. Использовались различные методы и приемы: сравнительно-сопоставительный и описательный методы, контент-анализ, семантический анализ, лингвокультурологический анализ. Методом контент-анализа выявлены теонимы и их представленность в репрезентативной выборке текстов рассматриваемого жанра. В семантическом анализе использовалась методика школы Н. Ю. Шведовой: анализ тематической группы с учетом частеречного разнообразия при выражении ядерных смыслов этой группы. Наряду со словами учитывались устойчивые (воспроизводимые) сочетания слов. Метод лингвокультурологического анализа использовался при рассмотрении теонимов в контексте теологического толкования в православной традиции. Проводился сопоставительный анализ фрагментов фольклорных и религиозных текстов.

Для анализа использовались тексты из наиболее представительных и авторитетных изданий детского фольклора за последние 150 лет, а также материалы Фольклорного архива филологического факультета МГУ (экспедиционные записи в Архангельской области 1953–1978 гг). Лексика анализируемой ТГ извлекалась методом сплошной выборки. Было просмотрено более 1500 текстов колыбельных, выявлен 241 текст колыбельных, содержащих религиозную лексику.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Внутри данной ТГ были выделены следующие подгруппы:

1. Теонимы (в том числе агеоантропонимы), т.е. наименования (включая составные метафорические) высших сущностей и небесных сил бесплотных: *Бог, Господь, Христос, святые, ангелы* и пр.
2. Типичные действия, присущие силам небесным, а также глаголы, связанные со взаимоотношениями человека с высшими силами: *молить, умолить, упросить,*

миловать, помиловать, спасти, даровать, пожаловать, хранить, сохранить, наделить, освятить, завечать (заветать, завичать) и др.

3. Атрибутивные определения, относящиеся к теонимам; а также образованные от теонимов и глаголов 2 подгруппы: *Божий, ангельский, святой, многомилостивый, моленый* и т.д.
4. Наименования мест пребывания высших сил: *рай, небеса, над тобой, с тобой, у тебя*, в головах и пр.
5. Фразеологизмы: *крестна сила, Бог с тобой, дай Бог, Иисусова молитва, класть под образа, петь святых, вечный покой, вынуть душу из телес, петь вечную память* и пр.
6. Лексика, связанная с богослужебным годичным кругом, с участием человека в религиозной жизни, с исполнением заповедей (т.е. религиозного нравственного христианского закона) и благочестивых обычаев: *церковь, крест, образок, икона, крестная мать, душа, погост, поминки, Великий пост, поминать* и т.п.

Интересно проследить процентную представленность текстов, содержащих лексику данной ТГ, в привлеченных для анализа источниках:

Источник	Год издания / записи	Всего колыбельных	Содержат религиозную лексику	%	Содержат теонимы	%
[1]	1868	9	2	22	2	22
[22]	1870	16	3	19	1	6
[21]	1898	34	10	29	4	11,7
[19]	1958–78	387	59	15	17	4
[12]	1987	83	9	10	1	1,2
[13]	1991	162	21	12	11	6,7
[11]	1997	544	100	18	59	10,8
[9]	2001	28	4	14	3	10,7
[2]	2002	88	5	5,6	1	1,1
[10]	2013	210	28	13	16	7,6
Общий результат		1561	241	15	115	7

Мы видим, что лексика данной ТГ содержится примерно в 15% колыбельных, теонимы же встречаются примерно в 7% от общего количества текстов и в 30%

текстов, содержащих лексику данной ТГ. В дореволюционных сборниках подобных текстов больше, в изданиях советского времени меньше, но лишь один крупный сборник практически не включает в себя таких произведений. В советское время сами исполнители, опасаясь гонений, могли сознательно замалчивать известные им колыбельные с религиозной лексикой. Показательно записанное фольклористами после подобной колыбельной (с именами Божьими) примечание: «когда пела последние строчки, очень смутилась» [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3].

Один из серьезных исследователей русских духовных стихов Г. Федотов отмечал, что для того чтобы «найти ключ к религиозной душе» народа, прежде всего необходимо узнать, «как сам народ определяет содержание своей веры, как именует он высшие силы, которым поклоняется» [20, с. 24]. В колыбельных песнях используются имена Божии, наиболее известные и употребительные в христианской традиции, причем именно те, с которыми крестьянин был хорошо знаком по Символу Веры, самым распространенным молитвам, богослужебным текстам и Священному Писанию. Показательно, что в колыбельных нет упоминаний дьявола, бесов, что вполне закономерно и объясняется функциональными особенностями колыбельных [3, с. 154]. Во всем корпусе рассмотренных текстов около 35 колыбельных с представителями «нижнего» мира (Букой и другими «вредителями»), они не учитывались в статистике как содержащие религиозную лексику.

В Библии упоминаются различные имена Божии, образованные в основном от описательных эпитетов. Именования Бог и Господь – наиболее часто встречающиеся в библейских текстах, они выступают как синонимы. [4, I, с. 103, с. 385; 6, с. 54, с. 130; 14, с. 52, с. 141; 16, I, с. 378, с. 664]. В колыбельных употребляются оба этих именования.

В словарях приводятся такие значения лексемы Бог:

1. В христианстве Творец неба и земли, Промыслитель, имеет в славянских языках наименования Бог, Господь, Сый. Пишется с прописной буквы, в книгах церковных – под титулом (у Ожегова это второе значение).

2. Вообще высшее существо в верованиях разных народов, о языческих богах говорится во множественном числе. Пишется в книгах церковных без титла, со строчной буквы (у Ожегова это первое значение).

3. (Только у Ожегова) Переносное значение – предмет поклонения, обожания [14, с. 52].

В рассмотренных текстах колыбельных обнаружено лишь одно из 74 словоупотреблений лексемы «Бог» в третьем значении: «Таня – ангел, Таня – бог» [11, с. 146]. Во всех остальных случаях в колыбельных реализуется первое значение.

В Символе Веры в первом прошении используется наименование «Бог»: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». В колыбельных также подчеркивается, что Бог – творец, податель жизни: «*Бог мне тебя дал*» (это наиболее часто упоминающееся в колыбельных действие Божие). Кроме того, Бог любит ребенка, находится рядом с ним, милует, спасает, дает здоровье и счастье. Такое отношение к человеку свойственно Богу лишь в христианской культуре: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» [Ин, 3:16]. В анализируемых текстах лексема Бог вступает в синтагматические отношения с глаголами: *дать, помиловать, спасти, принести, любить*. Глаголы, характеризующие отношение человека к Богу: *просить, молить, молиться*.

В колыбельных именование Господь употребляется реже (17 словоупотреблений), чем Бог (74). Поскольку Господь – это одно из имен Божиих, это нашло отражение и в колыбельных: типичные действия, глаголы, характеризующие отношение Господа к человеку и взаимоотношения с человеком, совпадают с рассмотренными при анализе имени Бог. Господь – податель жизни: «*Тебе Господь дал*» [11, с. 57]. Господь любит, милует, спасает, находится рядом с ребенком, дает указания по воспитанию, определяет длительность жизни. Глаголы, характеризующие действия Господа: *дать, любить, миловать, помиловать, спасти, снести (на постельку), говорить, сидеть, велеть водить (воспитывать), говорить*. Глаголы, характеризующие отношение человека к Господу: *молиться*.

Одно из свойств Божиих – вездесущий. В колыбельных это свойство проявляется в определении местонахождения Бога – Он всегда рядом с младенцем:

Спи ты, Шура, Бог с тобой [19, ФЭ 11: 0035, №3];

Спи, Господь над тобой [11, с. 60];

Спи-се Богом, со Христом [13, с. 58].

Причем в колыбельных реализуется прямое значение этих сочетаний, которые стали позднее фразеологизмами. У Даля: «Бог с тобой, с Богом, прощальное пожелание, прощение кому вины; напоминание, чтобы остановить кого в слове или деле... С Богом т. е. иди, начинай и пр.» [4, I, с. 103]. В словаре Ожегова: «С Богом (устар. и разг.) – пожелание успешного начала... Бог с тобой (с вами) (устар.) – 1) пожелание хорошего, обычно при напутствии... 2) выражение недоумения, осуждения, протеста... 3) выражение безразличия или уступки» [14, с. 53]. Фразеологизм «Господь с тобой» имеет такое же словарное значение [14, с. 141], так же, как и «Бог с тобой», означает, что Господь рядом с ребенком, поскольку обещал Господь: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» [Ин, 14:18]. В этом смысле строчка «*Умирай, Господь с тобой!*» [10, с. 112] в смертной колыбельной – не выражение безразличия, а уверение в том, что человек и по смерти не останется один, Господь примет его в свои обители (смертные колыбельные – колыбельные, в которых смерть младенца описывается как обыденное или желанное событие). Сравним с началом этой же колыбельной: «*Спи, дитя, не унывай*». Смерть не страшна, поскольку в христианстве она побеждена Воскресением Христовым: «Пусть никто не боится смерти – освободила нас смерть Спасителя...Смерть! где твое жало?.. Воскрес Христос, и нет ни одного мертвого во гробе!» (из пасхальной службы). Младенца ждет жизнь вечная, к тому же, по народным верованиям, безгрешные младенцы становятся после смерти ангелами.

Как обозначение местопребывания высших сил используются подобные синтаксические конструкции и с другими теонимами:

Спи со ангелами,

Спи с архангелами [19, ФЭ 11: 0056, №9];

Спи ты, Бог с тобою,

И Христос с тобою,

Божья Матерь над тобою,

Над твоею головою [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3].

Упомянутое в колыбельных и обычное место пребывания Бога, выраженное сравнительным оборотом с союзом «как» – рай: «*Спи, как у Бога в раю*» [11, с. 38].

Фразеологизмы *Дай Бог, не дай Бог, Слава Богу; «Господь, векушку дай человекушку»* [10, с. 66] в колыбельных выражают прямое значение обращения к Богу как к подателю и хозяину жизни и смерти, Творцу всего видимого и невидимого мира.

Интересно употребление в колыбельных формы звательного падежа лексем Бог и Господь в качестве именительного, в роли субъекта действия: «*Боже счастьяца дает*» [13, с. 64]; «*Велел Господи водить / Уму-разуму учить*» [11, с. 56]. Такое употребление связано с распространенным обращением к Богу в Священном Писании, молитвах и богослужебных песнопениях (например, из вседневного и великого славословия: «Гóсподи Бóже, А́гнче Бóжий, Сýне Отéчь, вéзъмлай грех мíра, помíлуй нас»), а также с повседневным частым призыванием имени Божия, которое впоследствии стало фразеологизмом (а в современном русском языке характеризуется как междометие): «Боже мой», «Господи, Боже мой».

В колыбельных теонимы Бог и Господь употребляются всегда как однокомпонентные, без эпитетов и зависимых слов. Прилагательные Божий и Господень образуют сочетания *Божий день, церковь Божия, Божья милость, ангельская Господня Божья милость*.

Теоним «Господь» появляется во втором утверждении Символа Веры и сочетается с именем Бога Сына: «И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век...».

В словарных статьях теоним Христос сочетается с именем Иисус. В словарях дается следующее определение: Иисус Христос, Богочеловек, Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы, Господь во плоти; имя Иисус значит Спаситель, Христос – помазанный [4, IV, с. 365; 6, с. 236; 16, I, с. 1062]. В словаре Ожегова определения в

словарной статье фактически нет: «Христос – вошедшее в некоторые выражения имя Иисуса Христа, культ которого лежит в основе христианства» [14, с. 869].

В колыбельных имя Иисус встречается в форме притяжательного прилагательного: «*Сти с Иисусовой молитвой*» [11, с. 60; 10, с. 62]. Используется как имя Христово также лексема Спас – от Спаситель, бывшая «на Руси наиболее распространенным эпитетом Иисуса Христа» [8, с. 44]. Именуется Иисус Христос Спасом и в двух молитвах, которые каждый православный знал наизусть, так как они даны нам в Евангелии и часто поются на богослужениях: в молитве «Богородице, дево, радуйся» («Яко Спаса родила еси душ наших») и в молитве «Песнь Богородицы» («Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем»). Таково частое обращение ко Христу в молитвах утренних и вечерних, большинство из которых крестьяне знали наизусть [15, с. 12].

В колыбельных именовании Христа Спасом встречается, например, в контексте с упоминанием св. Николая Мирликийского: «*Уклады тебя Никола / О теперешнюю пору, / Уклады тебя Спас / О теперешний час*» [11, с. 56], причем в одном из вариантов эпитет «Спас» используется, когда речь идет, скорее всего, об иконах: «*Спас, Микола над тобой*» [13, с. 64]. Как обращение ко Христу эпитет Спас мы встречаем в варианте: «*Богородица, Спас, / Заложил младеня спать*» [10, с. 62].

Теоним Христос встречается в рассмотренных текстах довольно часто – 44 словоупотребления вместе с эпитетом Спас и прилагательными.

Типичные действия, свойственные Христу, во многом совпадают с типичными действиями, присущими Богу (Господу), поскольку Христос – это Сын Божий, Воплотившийся Бог. Христос дает жизнь человеку по молитвам родителей, приносит младенца, любит, милует, спасает, находится рядом с ребенком. Глаголы, характеризующие Его действия: *дать, даровать, наделить, послать, принести, приглубить, укладывать, миловать, хранить, стоять в головах, глядеть на младенца, не забывать его*. Интересно сравнить синонимичные глаголы, используемые с лексемами Бог, Господь и Христос:

Тебе Господь дал,

Да Христос наделил [11, с. 57];

Бог тебя дал,

Христос даровал [11, с. 57; 13, с. 65].

Глаголы *даровать, наделять*, употребляющиеся с лексемой Христос, имеют оттенок значения «дарить, награждать, милостиво наделять, отдавать навсегда безмездно, даром, одарять, давать долю», в то время как глагол «дать» имеет более нейтральное, общее значение [4, I, с. 412, с. 415, с. 416; II, с. 412]. В действиях Христа подчеркивается милующее, награждающее человека по милости, а не за какие-либо заслуги, начало.

Господь тебя любит,

Христос приголубит [11, с. 60].

У Даля: «Приголубливать, приголубить кого, приласкать, миловать, нежить, тешить, ласкать с любовью. Сынок балует, а матушка его приголубливает. Некому сиротки приголубить» [4, III, с. 408] — здесь в одном словоупотреблении выражено понимание Христа в русской народной православной традиции как любящего, милующего, жалеющего, родного и близкого. Причем любовь Его – действенная (приголубить – приласкать). «Первичность чувства и сердца над разумом и волей, свойственная православию, приводит специфически русскому восприятию образа Иисуса Христа в народном менталитете» [8, с. 43]. Такое же восприятие Христа выражено и в эпитете «*батюшка*», употребляемом с именем Христа:

Тебя батюшка Христос

Под окошечко принес [11, с. 34].

Батюшка – ласковое, почтительное обращение к отцу, уважаемому человеку, подразумевающее его доброе, родственное отношение к говорящему.

Глаголы, характеризующие отношение человека ко Христу: *молить, просить*.

Место, локус Христа в колыбельных – рядом с младенцем. Это могут быть указания конкретного места: «*Христос у ты в головах стоит*» [11, с. 167] или констатация факта присутствия Христа рядом с младенцем: «*Спи, Христос у тебя*» [11, с. 166]. Фразеологизмы «*Христос с тобой*», «*Спи-се с Богом, со Христом*» так же, как и «*Бог с тобой*», употребляются в прямом значении: Христос рядом с ребенком, Он хранит младенца, младенец с Ним в безопасности и благополучии.

Христос в Символе Веры именуется Господом и Богом истинным: «...Бога истинна от Бога истинна...». Интересно в связи с этим употребление в колыбельной эпитета, непонятого вне контекста Символа Веры: «*Упросила, умолила я / У истинного Христа*» [13, с. 64]. Если рассматривать эти строки вне связи с основными догматами православия, можно сделать ошибочный вывод об опыте общения исполнителей с Христом «неистинным».

Прилагательные, образованные от теонима Иисус Христос: *Иисусова (молитва), Христов, христианский (обычай)* в значении «христианская вера, традиции».

Иисусова молитва – молитва-обращение к Иисусу Христу, в которой утверждается вера в Него как в Сына Божьего и истинного Бога: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эта молитва, которую знал каждый крестьянин, является самым кратким исповеданием православной веры, ее сила призвана охранить младенца от опасностей: «*Баю-баю-баю-бай, / Спи с Иисусовой молитвой*» [11, с. 60].

Прилагательное «*Христов*» употребляется как знак принадлежности нового человека Христу («*Спи-ко, дитячко Христово*» [11, с. 92].), так как Он выкупил всех людей ценой Своей крови. Именно поэтому народная пословица и говорит об обязательном почитании креста как знака крестной смерти Спасителя и в то же время знака освобождения человека от ига греха и смерти: «Кто без крестов, тот не Христов». Почитание креста и его значение в жизни подчеркивается в колыбельных употреблением фразеологизма «*Крестна сила на грудях*» [13, с. 65], здесь это обозначение нательного креста. Силе крестного знамения посвящена широко известная молитва «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его».

«*Обычай христианский*» – в этом прилагательном реализовано фонетическое сближение лексем крест и Христос, что особенно важно в самоназвании русского земледельца – крестьянин, в семантическом составе которого присутствуют и принадлежность к христианству, и обязательность крестоношения (и в смысле нательного креста, и в смысле смиренного перенесения жизненных тягот). В контексте употребления в колыбельной: «*Баю-баюшки-байком, / Напою тебя чайком, / Чаем-то китайским, / Обычаем христианским*» [11, с. 160] присутствует

противопоставление чужого/ своего. Если в материальном плане чужое принимается, то в отношении духовном ребенок должен быть «вспоен» родной «пищей».

Прямое именование третьего Лица Святой Троицы (Духа Святого) не встречается в рассмотренном корпусе текстов колыбельных. Однако часто используется составное именование *Божья Милость*, которое может являться в некоторых случаях перифрастическим именованием Святого Духа: «*Спит-ко, дите, Бог с тобой, / Божья милость над тобой*» [9, с.262]. Свт. Симеон Солунский именно так определяет значение этого словосочетания: «Милость Божия не другое что есть, как благодать Святого Духа, которую должны испрашивать у Бога, непрестанно вопия к Нему: Помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне грешному...» [5, с. 232].

Упоминание Святой Троицы также встречается в материнском фольклоре [10, с. 109, с. 111]. Однако что понималось под этим понятием в колыбельных, сказать однозначно нельзя. Г. Успенский считает, что «даже в XIX–XX веках в народной среде широко бытовало представление, что Троица состоит из Спасителя, Богородицы и Николы Угодника» [18, с. 6]. Но особое почитание свт. Николая бытовало не только в «народной» вере, вся Православная церковь особенно почитала этого святого по многим причинам. Место свт. Николая в колыбельных сопоставимо с ролью других святых, особо чтившихся на Руси (Косма и Дамиан, Власий), но никак не с одним из Лиц Святой Троицы. Его имя не вступает в синтагматические связи с глаголами, которые характеризуют действия Божии, он не является подателем жизни.

По мнению Г. Федотова, в духовных стихах «за троичным именем скрывается скорее основная религиозная двоица – мужского и женского божественных начал – Христа и Богородицы» [20, с. 31]. Однако в колыбельных мы видим не «двоицу», а разные ипостаси Божии (во всяком случае, Бога Отца и Бога Сына) и Богородицу, так как именованья Бога явно употребляются в одном тексте именно как разные ипостаси: «*Спи, Бог с тобой, / Спи, Господь над тобой*» [11, с. 60]; «*Спи, Бог с тобой, / Спи, Христос с тобой*» [11, с. 58], «*Спи-се с Богом, / Со Христом, / Спи со Христом, / Со ангелом!*» [21, с. 3]; «*Спи с Богом, / Со Христом, / Со ангелами!*» [22, с. 6]; «*Бог тебя дал, / Христос даровал. / Пресвятая Похвала / В окошечко подала*» [13, с. 57];

«Господь тебя любит, / Христос приголубит» [11, с. 60]; «Бог тебя дал, / Да Христос послал» [11, с. 103]; «Упросила, умолила я / У истинного Христа. / Бог мне тебя дал, / Да Богородице дала» [13, с. 64] и т.д. Контексты подобного употребления: обращение к ребенку с призывом уснуть, успокоиться, так как с ним (над ним) Господь, Бог, Христос, ангелы, святые; утверждение, что ребенка дал Бог (Господь, Христос, Богородица); характеристика отношения высших сил к младенцу (податель жизни, здоровья, счастья, управитель жизни). В этих контекстах возможно употребление как одного имени, так и нескольких. Причем в упоминаниях Бога, Господа и Христа в одном тексте часто используются синонимичные глаголы, характеризующиеся особыми оттенками значений. Присутствие в колыбельных нескольких имен Божиих означает, на наш взгляд, возможность усвоения с младенчества понятия о Святой Троице, но в какой полноте, сказать трудно.

Многочисленна в колыбельных группа именовании Богородицы. Это и прямые именовании, употребительные в богослужебных текстах, молитвах, церковных песнопениях, и перифрастические, часто уникальные образования, например, *Пресвятая Похвала, Успения Мать*. В рамках данной статьи именовании Богородицы не анализируются подробно, это тема отдельной работы. Именовании, выражающие сущностную характеристику Богородицы в колыбельных, – *Богородица* и *Мать*. Богородица – само именование уже включает в себе исповедание христианской веры в рожденного от земной девы Бога. Почитание Богородицы в России – «сердцевина русской народной религиозности» [20, с. 141]. Это связано с тем, что Богородица усыновила себе весь род человеческий, к ней обращаются как к теплой заступнице, которая принимает всех с материнской любовью.

Типичные действия, свойственные Богородице, во многом совпадают с типичными действиями, присущими Богу, Господу, Христу: Богородица дает ребенка родителям, дает ему здоровье, успокаивает его, укладывает, усыпляет. Уникальные действия Богородицы – она дает ребенку имя, растит ребенка, помогает ему выздороветь: «Тебя вырастила, / На ноги поставила, / Тебя жить заставила» [11, с. 60]. Глаголы, с помощью которых обозначаются действия, часто очень «зримы» (*в окошечко подала, на окошечко пихнула*). Богородица активно присутствует в сюжете

колыбельной, обращается с прямой речью к персонажам, указывая им, как нужно обращаться с ребенком:

*Уж вы нянюшки,
Уж вы мамушки,
Водитесь,
Не ленитесь* [11, с. 57].

Местоположение Богородицы по текстам – рядом с младенцем («*Богородица с тобой*» [10, с. 63], «*Богородица у тя*» [11, с. 88], «*Мати Божия у ноженок стоит*» [11, с. 167]), «*Божья Матерь над тобою, / Над твоею головою*» [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3], что соответствует Священному преданию и богослужебным текстам, по которым Матерь Божия после смерти не оставила мир, а всегда рядом с нуждающимися в помощи: «во успении мира не оставила еси, Богородице» (тропарь на Успение Пресвятой Богородицы).

С именами Богородицы употребляются различные эпитеты, как связанные с традиционным именованим, так и характеризующие Ее душевные качества: *Богородица свята, Пресвятая Божья Мать, Богородице Мария, Богородица и Мать, Мати Божия, Богородица Мать, Матушка Мария, Матушка Похвала*. Она добра, милостива, многомилостива. Семантически «сгущенные» именованья дают возможность усвоить истины христианского вероучения с детства, поскольку тексты колыбельных обращены не только к младенцу доречевого периода развития, который воспринимает пока мелодику, ритмику, интонацию, но и к старшим детям, которые усваивают смыслы [17, с. 77].

В колыбельных присутствуют именованья и других представителей мира небесного. Это ангелы, ангелы-хранители, архангелы, архангел Михаил, «*силушка небесная*», апостолы, избранные и местночтимые святые, особенно известные и почитаемые в крестьянской традиции святитель Николай Чудотворец (*Никола*), святые бессребреники Косма и Дамиан (*Кузьма-Демьян*), святой Власий (*Влас*) [7, с. 141–146], святая Варвара [7, с. 96–97]. Святые помогают усыпить ребенка: «*Уклади тебя Никола / О теперешнюю пору*» [11, с. 56], хранят его:

Михайло Арханъев

*Да со ангелами,
Кузьма и Демьян –
Со апостолами.
Они тебя хранят,
Они и милуют
От болезней, от скорбей,
От тяжелых болестей* [13, с. 65].

Архангел Михаил упоминаются в одном контексте с Космой и Дамианом и в других фольклорных жанрах, в духовных стихах нередко «небесным судьей является архангел Михаил – один или... с Кузьмой-Демьяном... Неожиданная роль Кузьмы-Демьяна объясняется, вероятно, календарной близостью их праздника к Михайлову дню» [20, с. 107]. Существует также интересная иконографическая традиция изображения святых, чьи имена упоминаются в колыбельных, вместе (икона XVIII века «Св. Козьма, Дамиан, Николай Чудотворец и Власий, патриарх Иерусалимский в предстоянии иконе Богородицы Владимирской»).

В колыбельных имена святых используются и как обозначение вещных артефактов: названий икон, храмов. Например, в смертных колыбельных: «*Повезем ты на погост. / Мы ведь к Троицы, к Миколы*» [11, с. 102]; «*Свезем к Троицы, к Миколы, / Под большие колоколы*» [9, с. 263]; «*Где ж его схоронили? / – Против Спаса, Власа, / Против Николки на горке*» [21, с. 9]. В контексте успокоения, призывания сна: «*Успокойся, ангел мой, / Богородица с тобой, / Никола милостливой*» [11, с. 59]; «*Ангелы с тобой, / Все хранители с тобой, / Все хранители с тобой, / Спас, Микола над тобой, / Спас, Микола в головах, / Крестна сила на грудях*» [11, с. 64-65]. Типичные действия святых, ангелов: *хранят, милуют*. Определения: *милостивый, святой, честной, хранитель, сохранитель*. Местоположение: рядом с младенцем: «*Уж как ангелы-хранители / В головушках сидят, / Они Генюшку-младенчика / Помиловать хотят*» [11, с. 56].

Для ангелов характерны и другие действия: они летят с небес, забирают жизнь (вынимают душу), приносят с небес сон, хвалят Богородицу, поют, поют в раю, зовут к себе младенца, сидят/стоят у него в головах, помахивают крылышком, вьются над

головой младенца: «*Спи-ко, милое дитя, / К тебе ангелы летят, / Тибя миловать хотят*» [10, с. 63]. Ангелы посылаются с неба для выполнения воли Божией: «*Летя ангелы с небес / Вынуть душеньку с телес*» [9, с. 262], соответствующее у Даля выражению: «*Ангел за душою усопшего полетел, поверье о падающих звездах*» [4, I, с. 16]. В колыбельных реализуются два словарных значения лексемы ангел: 1) бесплотный дух, посланник Божий; 2) переносное значение – ласковое обращение к тому, кого любят, ласкают [4, I, с. 16; 6, с. 4, с. 23; 16, I, с. 155]. Иногда оба значения представлены в одном тексте: «*Спи-ко, Ваня-ангелок. / Да засни на весь денек... / Ангелы-хранители / По столбцам сидят*» [10, с. 64]. В колыбельных употребляются практически все варианты диминутивов, перечисленные в словарях, а также окказионализм «ангельчок» [11, с. 153]. Для обозначения небесных сил бесплотных в колыбельных используется фразеологизм «силушка небесная».

ВЫВОДЫ

Среди 1561 текста колыбельных из 10 рассмотренных источников религиозная лексика содержится в 241 тексте, что составляет примерно 15% текстов. Внутри рассматриваемой тематической группы выделены следующие подгруппы: теонимы (включая агеоантропонимы); наименования типичных действий высших сил и взаимодействия с ними человека; определения (атрибутивные и образованные от теонимов и глаголов); места пребывания высших сил; фразеологизмы; лексика, связанная с участием человека в религиозной жизни.

Проанализирован состав и словарные особенности словоупотребления теонимов; синтагматические отношения, в которые вступают знаменательные слова этой тематической группы; варианты фразеологизмов, употребительные в колыбельных. Установлено, что тематическая группа религиозной лексики в колыбельных достаточно обширна и включает в себя как общеупотребительные религионимы, так и свойственные лишь христианской традиции, а некоторые особенности словоупотребления именованных Божиих характерны именно для Православия.

Религиозная картина мира, представленная в колыбельных, четко структурирована, представляет собой преломление христианского мировоззрения в русской народной традиции. Подателями жизни, высшими силами в небесной иерархии являются Бог (Господь), Христос и Богородица. Святые, ангелы, архангелы представляют хранящие младенца силы бесплотные. Нравственный закон, благочестивые обычаи и обряды, религиозные правила, зафиксированные в фольклорном слове, фразеологизмы и устойчивые выражения формируют сильные ассоциативно-вербальные комплексы, которые в будущем, являясь первой реакцией на слова-маркеры, вызывают то или иное восприятие действительности индивидом и, соответственно, его поведение.

Перспективы исследования: интересные результаты может дать сравнение представленности и анализ данной ТГ в других жанрах материнского и детского фольклора, а также продолжение исследования текстов колыбельных с лингвистической точки зрения в более полном корпусном составе.

Список литературы

1. Бессонов, П. А. Детские песни [Текст] / П. А. Бессонов. – М. : Тип. Бахметева, 1868. – 253 с.
2. Библиотека русского фольклора. Детский фольклор. Т. 13 [Текст] / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. – М. : Русская книга, 2002. – 560 с.
3. Головин, В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе [Текст] / В. В. Головин. – Турку : Åbo Akademi University Press, 2000. – 451 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 [Текст] / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991.
5. Добротолюбие / В русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. В 5 тт. Том V [Текст]. – М. : Сибирская Благовонница, 2010. – 283 с.
6. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / Г. Дьяченко. – М. : Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 1120 с.

7. Калинин, И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси [Текст] / И. П. Калинин. / Составление, предисловие, примечания А. Д. Каплина / отв. Редактор О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – 384 с.
8. Лифанова, Е. С. Концепт ХРИСТОС в русской языковой картине мира [Текст] / Е. С. Лифанова // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2007. – № 4. – С. 42–47.
9. Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты [Текст] / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : КГПУ, 2001. – 296 с.
10. Лойтер, С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты [Текст] / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 440 с.
11. Мартынова, А. Н. Детский поэтический фольклор. Антология [Текст] / А. Н. Мартынова. – СПб : Дмитрий Буланин, 1997. – 578 с.
12. Мельников, М. Н. Русский детский фольклор [Текст] / М. Н. Мельников. – М. : Просвещение, 1987. – 240 с.
13. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Младенчество; Детство. Вып. 1 [Текст] / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. П. Аникина. – М. : Художественная литература, 1991. – 589 с.
14. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
15. Полищук, И. С. Традиционный менталитет крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст] / И. С. Полищук // Клио. – 2008. – № 1 (40). – С. 113–120.
16. Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Т. 1, 2. – СПб. : Издательство П. П. Сойкина, 1913. – 1120 с.
17. Теплова, А. Б. Что сказать над колыбелью: Материнский фольклор для становления картины мира современного ребенка [Текст] / А. Б. Теплова. – М. : ООО «Педагогическая литература», 2014. – 160 с.
18. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей [Текст] / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

19. ФА МГУ – Фольклорный архив филологического факультета Московского государственного университета.
20. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. статья Н. И. Толстого; Послесл. С. Е. Никитиной; Подготовка текста и комментарий А. Л. Топоркова [Текст] / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
21. Шейн, П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Т. 1, вып. 1 / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном [Текст] / П. В. Шейн. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1898. – 376 с.
22. Шейн, П. В. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Часть первая [Текст] / П. В. Шейн. – М. : Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, 1870. – 568 с.

References

1. Bessonov P. A. *Detskie Pesni* [Children's Songs]. Moscow: Tipografiya Bakhmeteva Publ., 1868. 253 p.
2. *Biblioteka Russkogo Folklor. Detskii Folklor* [Collection of Russian Folklore. Children's Folklore], Vol. 13. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2002. 560 p.
3. Golovin V. V. *Russkaya Kolybelnaya Pesnya v Folklore i Literature* [Russian Lullaby in Folklore and Literature]. – Turku: Åbo Akademi University Press Publ., 2000. 451 p.
4. Dal V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. 1–4. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1989–1991.
5. *Dobrotolyubie* [Lovingkindness]. Translated by St. Theophanes, the Recluse of Vyshensky. Vol. V. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2010. 283 p.
6. Dyachenko G. *Polnyi Tserkovno-Slavyanskii Slovar* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Izdatelskii otdel Moskovskogo patriarkhata Publ., 1993. 1120 p.
7. Kalinskii I. P. *Tserkovno-Narodnyi Mesyatseslov na Rusi* [Church and Popular Calendars in Russia]. Moscow: Institut Russkoi Tsivilizatsii Publ., 2013. 384 p.

8. Lifanova E. S. *Kontsept KHRISTOS v Russkoi Yazykovoi Kartine Mira* [Concept of Christ in the Russian Linguistic Picture of the World] *Vestnik RUDN, Seriya Voprosy Obrazovaniya: Yazyki i Spetsialnost*, 2007, № 4, pp. 42–47.
9. Loiter S. M. *Russkii Detskii Folklor i Detskaya Mifologiya: Issledovanie i Teksty* [Russian Children's Folklore and Mythology: Research and Texts]. Petrozavodsk: KGPU Publ., 2001. 296 p.
10. Loiter S. M. *Detskii Poeticheskii Folklor Karelii: Issledovanie i Teksty* [Children's Poetic Folklore of Karelia: Research and Texts]. Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU Publ., 2013. 440 p.
11. Martynova A. N. *Detskii Poeticheskii Folklor. Antologiya* [Children's Poetic Folklore. Anthology]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 578 p.
12. Melnikov M. N. *Russkii Detskii Folklor* [Russian Children's Folklore]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1987. 240 p.
13. *Mudrost Narodnaya. Zhizn Cheloveka v Russkom Folklore. Mladenchestvo; Detstvo* [The Wisdom of the People. The Life of Man in Russian Folklore . Infancy; Childhood], Issue 1. Edited by V. P. Anikin. Moscow: Khudozhestvennaya Literature Publ., 1991. 589 p.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: 80000 Slova i Frazeologicheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Idioms]. Moscow: A TEMP Publ., 2006. 944 p.
15. Polishchuk I. S. *Traditsionnyi Mentalitet Krest'yanstva (Vtoraya Polovina XIX – Nachalo XX veka)* [Traditional Mentality of the Peasantry (the Second Half of XIX – Early XX Century)]. *Klio*, 2008, no 1 (40), pp. 113–120.
16. *Polnyi Pravoslavnyi Bogoslovskii Entsiklopedicheskii slovar'* [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary] Vols 1, 2. St. Petersburg: Izdatel'stvo P. P. Soikina Publ., 1913. 1120 p.
17. Teplova A. B. *Chto skazat' nad Kolybel'yu: Materinskii Fol'klor dlya Stanovleniya Kartiny Mira Sovremennogo Rebenka* [What to Say at the Cradle: Maternal Folklore in the Formation of the Modern Child's Picture of the World]. Moscow: Pedagogicheskaya Literatura LTD Publ., 2014. 160 p.

18. Uspenskii B. A. *Filologicheskie Razyskaniya v Oblasti Slavyanskikh Drevnostei* [Philological Researches in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1982. 248 p.
19. FA MSU *Folklornyi Arkhiv Filologicheskogo Fakulteta MGU* [Folklore Archive of the Philological Department of Moscow State University].
20. Fedotov G. P. *Stikhi Dukhovnye (Russkaya Narodnaya Vera po Dukhovnym Stikham)* [The Folk Spiritual Songs (Russian Traditional Faith in the Folk Spiritual Songs)]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.. 192 p.
21. Shein P. V. *Velikoruss v Svoikh Pesnyakh, Obryadakh, Obychayakh, Verovaniyakh, Skazkakh, Legendakh i t.p.* [The Great Russian in his Songs, Traditions, Customs, Beliefs, Tales, Legends, etc]. Vol. 1, Issue I. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1898. 376 p.
22. Shein P. V. *Russkie Narodnye Pesni, Sobrannye P. V. Sheinom. Chast Pervaya* [Russian Folk Songs Collected by P. V. Shein. Part one]. Moscow: Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete Publ., 1870. 568 p.

RELIGIOUS VOCABULARY OF RUSSIAN TRADITIONAL LULLABIES

Bondarenko V. V.

Summary. The article analyzes the thematic group of vocabulary associated with the designation of the higher powers, religious beliefs and the whole complex of ritual objects and actions in Russian traditional lullabies. Analysis involves texts published in the most authoritative miscellanies and a collection of records of the Folklore Archive of the faculty of Philology of Moscow State University. The following subgroups are distinguished: theonyms (including agioantroponyms); typical actions of the higher powers and a human's interaction with them; definitions (attributive and derived from theonyms and verbs); the higher powers' places of indwelling; phraseological units; vocabulary associated with a human's participation in religious life. Detailed consideration of the vocabulary of this thematic group allows us to reconstruct an important part of the traditional Russian linguistic picture of the world and draw a conclusion about broadcasting through lullabies not just the concept of existence of the invisible world but the Christian worldview.

Keywords: theonyms, religious vocabulary, maternal folklore, lullabies.